

Первый городской журнал яркого настроения

Муромлянка

Хороша... по всем статьям! Загляни под обложку!

16+

Выпуск №3 май-июнь 2013

Голосуем за муромлянок!

Наши землячки претендуют на титул «Женщина России-2013»

стр. 12

Муром на «Поле Чудес»!

Наши — в гостях у Якубовича

стр. 29

Платье мечты от «Матьяны»!

Выпускная мода-2013

стр. 2

ТОЛЬКО У НАС!!!

Новые Fashion-предложения!

Мода «от-кутюр» для всей семьи

стр. 25, 36

Загляните

на ТЕРРИТОРИЮ ЧАЯ & КОФЕ

Подарок — внутри!

стр. 30

Издательский Дом «Феврония»



4 602009 284861

Эксклюзивное интервью
из монастырских стен **9 мая**

«Я всегда служила и служу Родине и Богу»

**СХИМОНАХИНЯ
МАРИЯ**

стр. 4-8

A composite image featuring a young girl with a lit candle, a dirt road, and a sky with a St. George's ribbon banner. The girl is in the foreground, looking down at the candle. The dirt road curves through a field in the middle ground. The sky is bright and cloudy, with a banner at the top containing the text 'ТОЛЬКО У НАС!'.

ТОЛЬКО У НАС!

Пасха и День Победы!!!...

В нынешнем году эти два весенних праздника на календаре оказались рядом друг с другом. И вместе с этим вдруг неожиданно пришло осознание того, что независимо от «расстояния» между данными датами их всегда сближал схожий глубокий смысл, которым они наполнены. Ведь оба эти торжества славят собой победу — Победу Жизни над смертью и Великую Победу в Великой войне... При этом и то, и другое «победное» изречение одинаково равно применимо сразу к двум упомянутым празднествам. Ведь они оба означают победу Света над тьмой, Добра над злом... Проникая в эту глубинную суть нынешних майских торжеств, пожалуй, как никогда задумаешься о смысле бытия, жертвенности, героизме, любви к Родине и, конечно же, о тех, кто прошёл испытание войной и испытание Верой... Наши сегодняшние героини — как раз те самые люди, которые с честью выдержали в жизни оба этих «экзамена». В сороковых — «дети» войны, в наши дни — невесты Христовы. Во имя Родины они ковали Победу в тылу, а сегодня, отказавшись от всего мирского, беспрестанно молят Господа о лучшей доле для России. Не есть ли это — высшая мера того самого героического патриотизма, который несут в себе только избранные... Именно таковыми избранницами мы считаем и наших нынешних собеседниц.

Сегодня мы хотим рассказать Вам о ветеранах...—монахинях.

ИСПЫТАННЫЕ ВОЙНОЙ И ВЕРОЙ

История о труженицах тыла, всегда служивших Родине и Богу

Две русских женщины, две судьбы... У них разные истории, но общая боль и общая духовная родина, имя которой — Муром! Все они — монахини Муромского Свято-Троицкого женского монастыря. За героическое прошлое их называют в обители заслуженными насельницами монастырской общины.

С нашей первой героиней встречаемся в богадельне для престарелых монахинь на Богородицком подворье обители в местечке Малое Мишино, что в 16 км от Мурома.



Матери Марии (в миру — Смирновой Марии Ивановне) — 81 год.

Она не просто монахиня, она — схимница, т.е. посвящённая в высший ангельский чин монашества, предписывающий особо строгий аскетизм и затворничество. Табу — даже на разговоры и беседы. Схимонахиня должна стараться пребывать в безмолвии, но с благословения настоятельницы монастыря игумении Тавифы мать Мария соглашается дать нам интервью и рассказать историю своей жизни...



С трудовыми наградами и иконой Петра и Февронии

взрослым вспахивать землю, сеять хлеб, совсем не знали отдыха. Но самое ужасное испытание войной для девочки Маши было ещё впереди...

— Рядом с нашим хутором была узловая станция Бологое. Однажды туда пришли четыре эшелона с ранеными солдатами. Не успели их привезти, как над станцией, словно ястребы, закружили фашистские бомбардировщики, — рассказывает Мария Ивановна. — Что тогда было... Кругом всё огнём полыхало. А после бомбёжки на месте составов с ранеными мы увидели настоящую кровавую «кашу». Мужчин на хуторе не было — все на фронте. А женщины — с утра до

Итак, 6 апреля 1932 года в хуторе Раёк Тверской области, недалеко от Старой Руссы, родилась девочка. Её назвали Марией. С самого раннего детства, сколько себя помнит, она всегда проводила в трудах. Ей было всего 9 лет, когда в детское сердце неожиданно «постучалась»... Война!!! «Тяжёлое слово, тяжёлое время», — вспоминает наша героиня. С первых дней лихолетья ей, как и другим детям хутора, пришлось работать наравне со взрослыми для нужд фронта. С помощью нехитрых приспособлений ребятня сутками вязала из соломы защитные маскировочные маты, в кровь сдирая на руках нежную детскую кожу. Подростки также помогали

ночи работали в полях и на ферме. Поэтому убирать разорванные на части трупы выпало на долю детей. Помню, как со старшей сестрой Екатериной прямо вилами сгребали обугленные человеческие останки, грузили их в сколотый наспех деревянный большой ящик и отвозили на лошади на кладбище, где сбрасывали в огромную общую яму. Вот так мы, простые девчонки, и похоронили в братской могиле сотни безвестных русских солдат. Страха тогда у нас не было. Вернее, мы не понимали, что такое страх, да и некогда было о нём думать. В голове была только одна мысль: «Как выжить?». Ужас от осознания того, что пришлось видеть в те годы, пришёл уже позже. Теперь я понимаю, что страшнее этой кровавой картины я в своей жизни

не видела.

А ещё сельскую детвору посылали через лесные болота носить еду партизанам, у них ребята были своего рода маленькими «разведчиками». Ведь каждый из них с малолетства отлично ориентировался на местности и знал все лесные чащобы. Так всю войну ребяташки по ним и пробегали. Например, когда над лесом сбивали вражеские самолёты, дети выслеживали, куда приземлялись спрыгнувшие с них на парашютах немцы, и «докладывали» об этом взрослым. Германских лётчиков вылавливали и держали за колючей проволокой.

— Помню, как бабушка Ксения наварит картошки и просит снести её пленным. Идите, говорит, хоть накормите их что ли, только не смейте в них кидаться, они такие же люди, как и мы... А воевать их против нас заставили! Вот какая у меня была милосердная бабушка. А ещё мы находили в лесу оставшуюся без хозяев скотину и осиротевших малолетних детей из соседних сожжённых деревень и из Бологого. За найденными коровами тоже ухаживали мы, подростки. Вспоминаю, как после дойки руки ломит, хочется есть, а взрослые вперёд кормят сироток и говорят нам: «У вас мама есть, а у них мамы нет, надо их сначала накормить». Понятно, что тогда нам было не до учёбы и школы, но именно в те годы я выучила все свои главные жизненные уроки.

Родители Марии Ивановны чтит традиции прадедов и были потомственными верующими



Схимонахиня Мария

День 9 мая 45-го Мария Ивановна помнит словно вчера. О Победе она, как и все селяне, узнала из сообщений по радио. Вспоминает, что в тот день на хуторе кто плакал, кто плясал, а кто застыл в ожидании с фронта родных и близких. В семье Смирновых так и не дождалась отца семейства, он пропал без вести.

Почти сразу же после окончания войны Марию Смирнову назначили звеньевой в сельхозбригаде. По документам трудовой стаж у неё пошёл с 12-летнего возраста. В звене у совсем юной начальницы было 35 человек. Всей бригадой выращивали в основном картофель и другие овощи. Вскоре Мария вышла замуж. Её супруг был моряком, в течение пяти лет после войны он разминировал моря. В 22 года девушка вместе с мужем переехала в

город Бологое. Здесь она работала сначала в больнице, а потом в санэпидемстанции. И именно там с Марией Ивановной, когда ей было 48 лет, произошла поворотная в судьбе история, финал которой она считает настоящим Чудом, дарованным ей Богом. Тогда шёл 1980 год. В адрес станции СЭС пришёл очередной железнодорожный груз. При его выгрузке по неосторожности Мария Ивановна получила серьёзную травму позвоночника, которая привела к параличу организма.

— Долгое время я была в коме, пережила клиническую смерть. Во время неё действительно побывала «на том свете»: помню длинный тоннель, как в метро, и двух ангелов, которые, словно в зеркале, показали мне нашу мамушку игумению Тавифу и сказали, что я должна «подвизаться». Тогда я ещё не понимала смысла этих слов, не знала, что за женщину мне показали. Когда пришла в себя, смогла увидеть только кусочек голубого неба через окно больничной палаты. И тогда про себя я вознесла молитву к Богу о своём исцелении и дала обет служения Господу, если таковое случится. Вы можете поверить, что в тот момент у меня были парализованы обе ноги и не действовала левая рука. И врачи, и все знакомые меня давно уже «похоронили». Но через семь месяцев самостоятельно, своими ногами, я вышла из больницы. Господь услышал мои молитвы!

Рассказывая об этом, мать Мария

в очередной раз крестится со словами: «Слава Тебе, Господи!». Вернувшись из больницы, наша героиня вышла на пенсию и вскоре, в 1984 году, вследствие опять же производственной травмы у неё умер муж, с которым они прожили душа в душу и вырастили двух детей, сына и дочь. На пенсии Мария Ивановна стала всё чаще ходить в храм в Бологом, а затем и прислуживать в нём. Во время одной из служб она познакомилась и подружилась с прихожанкой Лидией из соседнего города Удомли, которая впоследствии решила стать монахиней и, узнав о Муромской Троицкой обители, отправилась туда, где спустя несколько лет приняла постриг с именем Нектария. Однажды, чтобы повидаться с ней и посмотреть местные святыни, в середине 90-х Мария Ивановна как паломница приехала в Муром. Здесь, в монастыре, она и увидела мамушку Тавифу, ту самую, что показали ей ангелы.

— В ту же самую минуту я сразу узнала её, но тогда ещё не поняла, какой путь меня ждёт... В монастыре мне очень понравилось, и я решила на время остаться здесь церковничать. Осталась — и больше уже никогда не покидала обитель. Всё дело в том, что как только я собиралась обратно домой, у меня начинались проблемы со здоровьем. То давала о себе знать прошлая травма, то вдруг я внезапно сильно заболела, а однажды, решив уехать, я по нелепой случайности получила сильнейшее отравление химикатами, да такое, что снова чуть не умерла. И вот тогда только я поняла, что Сам Господь не выпускает меня из этих стен, и мне нужно смириться и остаться здесь, чтобы подвизаться, т.е. нести подвиг монашества. Так, из послушниц я постриглась в монахини, а затем приняла схиму. И вот уже почти 20 лет я иду по этому пути глубокой Веры. И все эти годы Всевышний дарует мне силы жить и много трудиться во имя благих дел. Вместе с сёстрами я участвовала в богоугодной стройке по восстановлению монастыря, много лет вела огромное хозяйство на мишинском подворье. Работа подчас была очень тяжёлой. Но наперекор моему слабому здоровью, неведомо откуда при начинании любого нового дела здесь я всегда обретала невероятную крепость тела и духа. Разве это не Чудо свыше?! Когда ехала сюда, и не думала, что еду в Муром навсегда, что этот город станет моим духовным пристанищем, а я — муромской схимонахиней. На всё воля Господня...

Сегодня мать Мария уже с трудом передвигается, в силу обета и состояния здоровья она ведёт строжайший постнический образ жизни, в основном употребляет в пищу только овощи, не вкушает ни рыбу, ни молоко, не разговляется даже в

праздники. Ежедневно на ногах она уже с трёх часов ночи. Именно с этого времени и до самого позднего вечера схимонахиня ведёт свою почти беспрестанную многочасовую молитву о духовном и телесном здравии всех людей, духовных сестёр, своих родных и близких, иногда приезжающих к ней в

монастырь. Сегодня у нашей героини две внучки и крошк-правнучка Злата, которую она видела только на фотографиях. А ещё мать Мария очень много читает. Кажется, что она знает буквально всё, готова поддержать беседу на любую тему, будь то история, искусство, политика, философия...

Знания у неё просто энциклопедические, ясный ум, отличная память, и всё это при том, что у нашей героини всего 7 классов образования плюс медицинские курсы. Как утверждает схимница, вся мудрость у неё от Господа: «Именно Бог вселяет в меня и силу духа, и силу тела, и силу разума!!!».



Монахиня Параскева

Сегодня мы хотим рассказать вам ещё об одной муромской монахине-участнице трудового фронта Великой Отечественной. Это мать Параскева (Тимофеева

Анна Александровна). Она поселилась в Троицкой обители в 2005 году. С благословения настоятельницы монастыря беседуем с монахиней в её скромной келье, главным украшением которой являются иконы и церковные книги. Уже в самом начале разговора у нашей собеседницы на глаза наворачиваются слёзы, видимо, от нахлынувших воспоминаний. Она говорит, что не может без слёз рассказывать о том далёком и трудном времени, и удивляется тому, как только можно было выжить в таких условиях. Родилась мать Параскева в 1926 году в Татарстане (тогда Казанская область), в русском посёлке Михайловка, в многодетной крестьянской семье. Из десяти детей, появившихся в ней на свет, к началу войны выжили только пятеро. Остальные умерли в младенческом и детском возрасте от различных болезней. «Жили очень бедно.

Топились соломой. Лесов рядом не было, дров взять было негде, — поясняет мать Параскева. — С вечера наносим соломы в избу и, как поросята, на ней спим, а утром этой соломой печку топим». Монахиня вспоминает, что когда началась коллективизация, и стали образовываться колхозы, крестьян насильно заставляли вступать в них, а у не желающих идти — отбирали скотину и имущество. Не минула горькая чаша сия и Александра Дмитриевича Тимофеева, семью которого не только кулацкой назвать было нельзя, но и отнести к числу зажиточных. «Отца всё равно арестовали и посадили в тюрьму, мать осталась с шестью детьми на руках. Пошла работать в совхоз, ухаживала за свиньями. Слава Богу, отца вскоре отпустили. И мы переехали в другой колхоз. Здесь удалось построить небольшую избёнку рядом с лесом», — мать Параскева говорит тихо и неторопливо, слегка поглаживая узловатые натруженные руки.

Когда началась война, у девочки на фронт ушли и отец, и старший брат Пётр 18-ти лет. Так они оба на войне и сгинули. Наша героиня до сих пор не знает ни времени, ни места их гибели. «Похоронки, может, и были, да нам их не показывали, мама тоже ничего не знала. Уже будучи в монастыре я один только раз во сне увидела своего брата — в военной форме», — с прискорбием произносит монахиня.

— Во время войны и вовсе тяжело стало. Мужиков всех отправили на фронт, лошадей тоже забрали. В колхозе остались одни старики, женщины да дети. Тогда мне было 15 лет. Я уже трудилась наравне со взрослыми женщинами. Работали за трудодень, выращивали свиней и зерно для фронта, а самим есть было нечего. Летом ещё

полегче, а зимой резали и заваривали клевер, выкапывали мёрзлую картошку. Хлеба почти не видели. Уже со временем нам стали давать по 200 гр муки на человека на неделю. Вот она, мера нашим возможностям и силам! Так и умудрялись жить... Не было ни керосина, ни мыла. Вместо него мылись и стирали золой, залитой кипятком. И летом, и зимой ходили в одних лаптях. На работу в поля шли в 4-5 утра, в холоднущей утренней росе промокали по пояс, а в морозы ноги так сильно мёрзли, что дома приходилось отогревать их холодной водой. Вот сейчас ноги совсем и не ходят, все застуженные ещё с войны. Когда она закончилась, в колхозе мы такой праздник закатали. Напекли лепёшек-шанег, танцевали, пели. Ах, какие у нас тогда песни были. Таких сейчас нет. Это было такое ликование, такая радость!



После войны. С супругом Петром



Отец Сергей с прихожанами.
Ильинский р-н, Пермской обл.,
50-е гг. 20 в. (крайняя с права -
игуменья Елена, нынешняя настоятельница
Свято-Воскресенской обители г. Муром)

После войны, в 1948 году, Анна вышла замуж за храброго фронтовика-соседа, которого знала с самого детства. Через три года родной колхоз стал разваливаться, и молодая семья решила переехать в лесхоз в Ильинском районе Пермской области. Вопреки запретам Советской власти здесь супруги обвенчались, здесь же окрестили и свою дочь Валентину.

— Благо неподалёку от лесхоза был храм. Когда выбирали новое место жительства, всегда уточняли, есть ли там церковь. Молва и донесла, что в пермских краях имеется добротное лесное хозяйство, даже церковь там есть, стоит она прямо в лесу, подальше от зорких глаз райкомов-



Молитва

ских партработников-атеистов. Туда и решили поехать жить. Куда же без церкви? Я сама родилась и выросла рядом с храмом. И все мои родственники, из поколения в поколение, всегда были крещёными и венчанными людьми. А нас с мужем венчал священник отец Сергей, который 12 лет отсидел за религию, но вернувшись из тюрьмы, не отказался от Веры и продолжал служить в церкви. Кстати, этот священнослужитель — родной отец настоятельницы Муромского Воскресенского монастыря матушки Елены. Мы с ней из одних мест. Вот такие общие духовные корни.

Сегодня у матери Параскевы пять внуков и уже восемь правнуков. Некоторых из них, как и многие монахини, она тоже знает только по фотографиям. А вот её единственной дочери Валентины и супруга Петра

Павловича, к сожалению, уже нет в живых. Похоронив их одного за другим, и решила Анна Александровна поехать в Муромский Троицкий монастырь, где к тому времени уже была монахиней её внучка, мать Арсения, по зову души и сердца приехавшая сюда в 1992 году. Вскоре и Анна Александровна приняла монашеский постриг. Её другая внучка Татьяна тоже сейчас живёт в Муроме и работает здесь же, в монастыре.

Несмотря на свои 86 лет, мать Параскева не может сидеть без дела. Она так же, как и схимонахиня Мария, встаёт очень рано, посещает все монастырские службы, читает псалтырь, помогает сёстрам готовить трапезу, прядёт и вяжет нехитрое вязание.

Среди монахинь монастыря есть ещё две заслуженные труженицы тыла. Но в силу их состояния здоровья нам не удалось с ними подробно побеседовать. Это мать Евдокия, в сороковых работавшая в военном госпитале, и схимонахиня Алипия, которая в годы войны трудилась на одном из оборонных предприятий города Владимира, а сегодня, к своим 90-та годам, полностью потеряла зрение. Как и любой верующий человек, мать Алипия считает, что всё в её

жизни случилось по воле Божьей. А монахиня Евдокия даже про свои пропавшие скромные награды за трудовую деятельность в период лихолетья говорит, что она их не потеряла, а: «Бог мне их дал, Бог взял. На всё воля Божья!».

Вот такие человеческие истории! Каждой из них хватит на целую книгу. От опалённого войной детства — к мудрому монашескому старчеству... Наши нынешние собеседницы — люди Подвига, трудового и духовного. В своей жизни они ни о чём не жалеют, говорят, что их всегда вела Вера! Потому и выжили, что жили с Богом в душе и сердце!..

В эти праздничные пасхальные дни наши Героини, монахини-ветераны, достают свои трудовые награды, прикалывают к монашеской одежде славные георгиевские ленточки. Они со слезами на глазах поминают убиенных воинов, славят Воскресение Христово и призывают всех нас к терпению, Любви к ближним и всеобщему Покаянию...

*Образы в углу святые,
Лица, вечность прозревшие,
Шёпотом тихим, раскаянным,
Верую в себя просветлевшие.
А из зеркала затуманного
Совесть глядит в смятенци,
Плачет всё, льёт, мятежная,
Слёзы свои
ВСЕПРОЩЕНИЯ...*

